

В русском искусстве, в первую очередь в живописи и поэзии издавна, еще со времен Брюллова и Пушкина, сложилось особое, пристрастно-любивое отношение к Италии. Издалека она представлялась какой-то удивительно прекрасной, обетованной землей. Казалось, что ее камни источают некую эманацию вечности, золотых веков античного Рима и Ренессанса.

“Все дороги ведут в Рим” — эта древняя поговорка стала в начале XX века почти девизом для российских служителей муз. Паломничество их на Апеннинский полуостров приобрело поистине повальный характер. Итальянский след мы находим в стихах Брюсова, Блока, Вяч. Иванова, Кузмина...

Не явился исключением и Саша Черный, который, подобно другим собратям по перу, тоже посетил родину Данте и Микеланджело. В Италии он бывал четырежды, что само по себе свидетельствует о многом. И каждое возвращение в эту страну было качественно новым витком в его биографии, нашедшим свое отражение в творчестве.

Итак, первая встреча состоялась летом 1905 года, когда Саша Черный... Впрочем, что я говорю: такого литературного имени в ту пору еще не существовало, ибо опусы молодого стихотворца тогда еще не знали печатного станка. Он был Александром Гликбергом — чиновником, канцелярским служащим, взявшим отпуск на два месяца, чтобы впервые побывать за границей. В сущности, это было свадебное путешествие: незадолго до этого он сочетался гражданским браком с Марией Ивановой Васильевой, своей непосредственной начальницей по службе.

О его первом путешествии достоверно известно лишь то, что он посетил Неаполь. И тому есть документальное подтверждение. В архиве К.И. Чуковского сохранился автограф стихотворения, написанного рукой поэта — А. Гликберга, под которым есть помета: “Неаполь. 1905”. Текст стихотворения, хранящийся в рукописном отделе Российской государственной библиотеки, до сей поры оставался неизвестным. Публикуется впервые с любезного разрешения наследницы архива — Е.Ц. Чуковской:

Воздух влажен, свеж
и ароматен.
Опустился парус, как лоскут.
Свод небесный чист
и необъятен,
И лучи лица отвесно жгут.

Полукруг залива голубеет.
Лень и сон, покой и тишина...
Неподвижно тело цепенеет,
И душа беспечна и ясна.

По террасам смело подымаясь,
Там, где тень прозрачнее
слюды,
Задремал Неаполь, улыбаясь,
В синей рамке неба и воды.

И дома белы, как хлопья снега,
И желты руины, как янтарь...
Здесь царит забвение и нега,
Здесь сейчас последний нищий
— царь!

Русская мысль. -
Париж. - 1996. - 1 февр. - с. 10.
Александр Иванов

«Родина духа блуждающего»

Саша Черный в Италии

Чем не гравюра — строгая, неподвижная и беззвучная?.. Нет и следа восторга и очарования, наверняка переполнявшего сердце поэта, впервые увидевшего Неаполитанский залив. Право, трудно угадать в этой сдержанно-ученической зарисовке будущего Сашу Черного, склонного к неожиданной метафоричности и звонкому, раскрепощенному стиху.

В другом стихотворении — “Капри” (оно было напечатано в 1906 году в сборнике “Альманах” №1) — начинающий автор тоже вдохновлялся не столько собственными впечатлениями и эмоциями, сколько знаниями, усвоенными на гимназической скамье. При лице-зрении сказочных красот этого благодатного острова ему чудятся дикий хохот Тиберия и стоны рабов, воздвигающих для него дворец.

Впрочем, в таком подходе он не одинок. Есть давняя традиция в русской поэзии, которую Ф.Степун сформулировал следующим образом: “Сказать о Риме, хотя бы только о его внешнем облике, об его античных, христианских, возрожденческих камнях нечто точное, верное можно, как мне кажется, только в форме углубленного раздумья над судьбами человечества”. Понятно, что такая ноша была молодому автору явно не под силу.

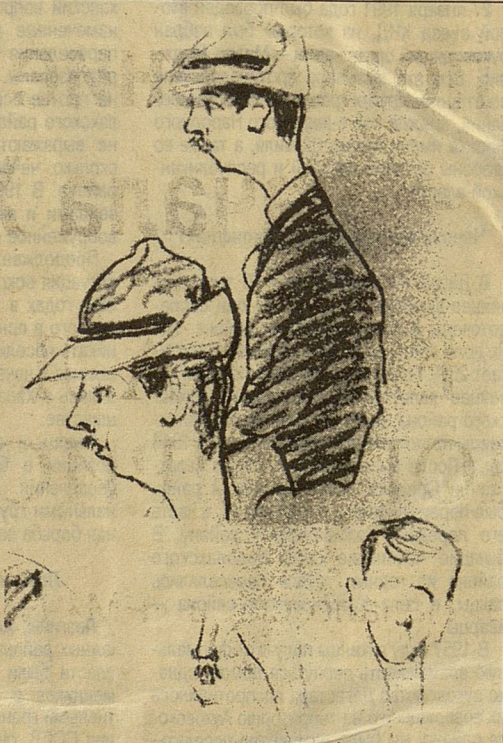
Вторично Саша Черный посетил Италию в 1910 году. Тогда он уже был в зените своей славы, титулован званием “короля поэтов” “Сатирикона”. Хотя прошло всего каких-то пять лет, с Сашей Черным произошла чудесная метаморфоза, почти как с андерсеновским “гадким утенком”. Лира его приобрела совершенно иное звучание — свободное, естественное и какое-то доверительно-интимное. Такое ощущение, будто читаешь страницы лирического дневника, на которых вырисовывается прежде всего образ самого автора — Саша Черного:

В Генуэзском заливе.
Как сардинка счастливый,
Я купаюсь, держась за веревку.
Плещет море рябое,
И в соленом прибое
Заплетаются ноги неловко.

Это уже ожившая картинка, озвученная пляжным плеском и шумом. Тут и купающиеся синьорины с надувными кругами, и рыбаки, чинящие сети и барки. Поэту интересна прежде всего обыденная, непарадная Италия — почтовое отделение, трактир с назойливыми мухами, из окошка которой открывается непрезентабельный вид:

Дремлющий мул безобразный
И полисмена штаны.

Наблюдения благостны, умиротворяющи. И лишь в малой мере ироничны. Видимо, русской душе отнюдь не чуждо чисто итальянское состояние “dol-

Шарж на С.Черного. Капри, 1912.

Худ. В.Фалилеев.

се far niente” — блаженное ничегонеделание.

Усмешка поэта-сатирика скорее уж обращена опять же на своих соотечественников — бра- вых русских доморожденных “сти- листов”, которые зычно спорят на базаре у поддельных антиков:

“Эти вазы, милый Фила,
Ионического стиля!”
— “Брось, Петруша! Стиль
дорийский
Слишком явно в них сквозит...”

Нет, конечно, не только о “временном и низком” итальян- ские стихи Саша Черного. Не- забываемы картинные галереи, где “у мадонн чужого Боттиче- ли, не веря, служишь столько тихих месс” и откуда поэт уо- дил, “симфонией мечты заворо- жен и пьян”. Сонет “Из Фло- ренции” позволяет нам, вслед за Генуей, пометить в туристиче- ском бедекере Саша Черного еще один итальянский город.

В третий раз Саша Черный приехал в Италию в августе 1912 года — на Капри. Приехал с тайной надеждой познакомиться с А.М.Горьким — одним из вла- стителей дум той эпохи, из- бравшим местом своего жител- ства этот остров. Имя, автори- тет, обаяние Горького, словно магнит, влекли сюда творческих людей из России — литераторов, живописцев.

В то лето наплыв гостей был особенно велик. “Съехалось мно- жество публики русской, одних художников 17 человек! Были ли- тераторы — Саша Черный, ока- завшийся очень скромным, милым и умным человеком”, — гово- рится в одном из писем А.М.Горького.

Здесь, на Капри, Саша Чер- ный познакомился и подру- жился с художником-графиком В.Д.Фалилеевым, мастером офорта и линогравюры, равного которому никого тогда в России не было. В своих работах он, по выражению М.А.Осоргина, пы- тался “сблизить природу Италии, где он был гостем, с природой русской, ему исключительно зна- комой и близкой”.

Это было чудесное лето: ката- ния на лодке в Лазурном гроте, совместные прогулки по живо- писным окрестностям в поисках натуры. В качестве натурщиков

выступали нередко русские спут-ники и приятели.

В эпистолярном наследии А.М.Горького сохранилось такое свидетельство: “Фалилеев напи- сал превосходнейшие карикатуры на меня, Алексеича и Сашу Чер- ного, — как жаль, что к этому роду искусства у нас относятся несерьезно.”

Один из таких набросков — шаржированный портрет Саша Черного — сохранился.

Саша Черный тоже пишет шаржи, только словесные, — узнаваемые и добродушные. Вот как, к примеру, он изобразил Алексея Максимыча:

Пожалуйте, — промолвит
мягко, с соком,
Пожалуйте! — покашляет
слегка.
И руку этак симпатично,
боком
Протянет наподобие сучка.

Столь же благодушен и чуточ- ку насмешлив мадригал, обра- щенный к гражданской жене Горького — актрисе Марии Фе- доровне Андреевой. Вот текст этого шуточного послания, под- линник которого хранится в архиве А.М.Горького в Москве:

М.Ф.
(почтительная акварель)
Из взбитых сливок нежный
шафр...
Движенья сонно-благосклонны,
Глаза насмешливой мадонны
И голос мягче эха арф.

Когда взыскательным перстом
Она, склонясь, собачек гладит,
Невольно зависть в грудь
засядет:
Зачем и я, мол, не с хвостом?

Ей-Богу, даже вурдалак
Смягчился б сердцем, если б
в лодке
Услышал голос кроткий-
кроткий:

“Алеша, ты б надел пиджак...”
Имел бы я такую мать,
Сестру, свекровь иль даже

тетку,
Я б надевал, влезая в лодку,
Под шубу пиджаков штук
с пять!..

А в час обеда, как галчат,
Всех надо оделить руками
И дирижировать зрчками,
Когда наелись и молчат...

Сей хлопотливейшей из Марф
Поэт заржавленный и тонкий*
Подносит днес свои

стишонки,
Косясь на строгий белый шарф.

Уже после революции, в из- гнании, Саша Черный совсем другим словом — обидным и ед- ким — не раз помянет адресатов этих милых акварелей. Оно и по- нятно: чем отрадней и безза- ветней было очарование, тем горше и непреодолимей разоча- рование.

Для контраста — не угодно ли эпиграмму, записанную рукой Саша Черного на листке, нахо- дящемся в моем собрании:

Горький
Пролетарский буреветник,
Укатив от людоеда,
Издает в Берлине вестник
С кроткой вывеской “Беседа”.

Анекдоты, бормотанье, —
(Буреветник, знать, зачах!) —
И лояльное молчанье
О советских палачах...

1924
Но это все было много позже, а тогда, в 1912 году, на Капри чуть ли не впервые с рождения была утлена Сашей Черным жажда гармоничной, мирной жизни — в кругу близких по духу и дружески расположенных лю- дей, в окружении изумительной природы. Неудивительно, что из Италии поэт привез кучу сти- хов, исполненных редкостной пластичности, ясности и воз- душности. В тот приезд наве- стил он также А.В.Амфитеат- рова, жившего в красивейшем уголке земного шара — местечке Фердзано, близ Специи, и вновь посетил Флоренцию.

Окончание следует

* в физическом смысле (примечание Саша Черного).